

КАРЛ МАРКС

Где равенство, там нет выгоды

Время — это простор для развития способностей

Всякая нация может и должна
учиться у других

КАПИТАЛ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Карл Маркс

**Капитал. С комментариями
и иллюстрациями**

«Издательство АСТ»

1867

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Маркс К. Г.

Капитал. С комментариями и иллюстрациями / К. Г. Маркс —
«Издательство АСТ», 1867 — (Популярная философия с
иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-150088-7

«Капитал» Карла Маркса уже более столетия является одним из самых обсуждаемых и не теряющих актуальности трудов об экономических процессах и принципах функционирования рынка. В нем даны ответы на вопросы о том, что такое теория стоимости, как ресурсы превращаются в товары, каков механизм присвоения капиталистом труда рабочего, как преодолеть экономический кризис при неравном доступе к средствам производства. Найдёт читатель здесь и ответ на самый главный вопрос: если производство и обмен являются основными чертами общества, что стоит на пути его дальнейшего развития и как будут меняться правила обмена и способы управления в условиях принципиально нового производства?

Настоящая хрестоматия включила все основные положения экономической теории ученого. Книга снабжена комментариями и объяснениями известного исследователя марксизма Алексея Цветкова. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-150088-7

© Маркс К. Г., 1867
© Издательство АСТ, 1867

Содержание

Власть «Капитала»	7
Книга первая. Процесс производства капитала	17
Отдел первый. Товар и деньги	17
Глава первая. Товар	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Карл Маркс

Капитал

© А. В. Цветков, составление, предисловие, комментарии, 2022

© Издательство АСТ, 2022

* * *

Власть «Капитала»

1

О Марксе продолжают снимать фильмы, делать аниме и комиксы, писать книги и бесконечно спорить на философских семинарах и в телевизионных шоу.

Без «Капитала» уже невозможно представить себе нашу цивилизацию, так же как ее невозможно представить без Библии или без трактатов Аристотеля.

Для тех, кому эта книга кажется слишком толстой и сложной, давно есть «манга-версия» или отличный комикс британского политического художника Фила Эванса. А для тех, кому нужен вариант средней сложности, есть конспективный пересказ Карла Каутского или работа Юлиана Борхардта, который еще сто лет назад «сшил» все самые понятные места из «Капитала», объединив их по темам.

Что такое марксистская оптика в самом общем смысле? Это гипотеза о том, что наша общая история движется к бесклассовому горизонту, что причиной этого движения является развитие наших обменно-производственных отношений, что двигателем последних, с одной (политической) стороны, выступает классовая конкуренция, а с другой – рост наших технических возможностей. В более узком смысле вся эта модель держится на трудовой теории стоимости, которая дана в «Капитале». Из этой теории следует весь оригинальный глоссарий главной книги Маркса. Его оппоненты часто говорят, что данная теория не доказуема и эмпирически не проверяема. На что сторонники Маркса обычно отвечают: да, эта теория действительно не доказуема так, как доказываются теории в физике или в биологии, но точно так же не доказуемы и не проверяемы и все остальные теории стоимости (маржиналистские теории предельной полезности). Они точно так же тавтологично кусают себя за хвост.

В более отвлеченном и философском смысле марксизм можно толковать как возможность говорить об обществе без феноменологии, как об объекте, как о наборе соподчиненных структур, и наше понимание (описание) уже включено и вовлечено в них. Тогда «Капитал» – это способ понять собственно индустриальный способ производства, а что-то понять, согласно диалектике, уже значит отрицать это до некоторой степени, точнее, выйти из заданного контура, схватить маршрут развития явления и его генеральное противоречие. *Понять* капитализм означает *стать его критиком*. Понять способ производства означает увидеть другой способ производства, идущий на смену нынешнему.

2

Наш автор родился в еврейской семье либерального адвоката, принявшего лютеранство для того, чтобы сохранить свою практику. Поэтому отношение к религии в его доме всегда было очень отвлеченным. Изучая право в Берлинском университете, Карл собирался стать поэтом и романистом и бойко сочинял богоборческие стихи в духе мрачного энтузиазма немецких романтиков. Увлекался философией Гегеля, был азартным игроком в карты и не раз попадал в полицию за пьяные кутежи. Не избегал дуэлей и рано научился презирать и высмеивать обряды добропорядочного общества.

После защиты блестящей диссертации по античной философии (Демокрит и Эпикур) он становится влиятельным публицистом, а потом и редактором в «Рейнской газете». В Рейнской области сосредоточилась тогда наиболее сильная и независимая прусская буржуазия, мечтавшая об избавлении от прежних феодальных порядков под флагом народной демократии.

Этому классу нужен был голос, зовущий к переменам. Газету закрыли по личной просьбе русского царя Николая Первого, усмотревшего в статьях Маркса русофобию. Сделавшись нежелательной персоной в своей стране, он переезжает в Париж, где близко сходитя с анархистами и социалистами (Прудон, Бакунин, Луи Блан). Знакомится с Энгельсом, сыном текстильного фабриканта и тоже социалистом. Дружит с известным поэтом Генрихом Гейне.

Женится на баронессе Женни фон Вестфален, которую знал с самого детства.

Во Франции семья Маркса пробует объединиться с еще двумя семьями, чтобы вместе издавать журнал, вести хозяйство и воспитывать детей, но этот «фаланстер» не просуществует и месяца из-за разницы темпераментов и интеллектов.

Опасного автора высылают из Парижа за вольнодумные статьи, и он перебирается в Брюссель, где Маркса принимают с условием, что тот не будет публиковать ничего о текущей политике. Маркс пишет там «Коммунистический манифест», который выходит в 1848 году, за несколько недель до начала общеевропейской революции, после чего его высылают и из Бельгии. Он снова оказывается во Франции, но вскоре отправляется в Кёльн, где вспыхнуло демократическое восстание. Там он решает издавать свою «Новую Рейнскую газету». В 1848 году Маркс тратит все свои личные сбережения (первую полученную часть наследства) на покупку оружия для немецких активистов. В 1849-м, сразу после подавления революции, его судят в Кёльне за подстрекательство и государственную измену – призыв не платить налоги антинародному правительству, – но он отказывается от адвоката, сам защищает себя перед присяжными и добивается оправдания. Так или иначе, журналистская деятельность Маркса приводит к тому, что его высылают вновь. Последний номер запрещенной «Новой Рейнской Газеты» отпечатают красным шрифтом, и вскоре он станет раритетом и мечтой коллекционеров. Маркс демонстративно отказывается от прусского гражданства, планирует совместную с Энгельсом эмиграцию в США и, наконец, оказывается в Лондоне, где и проведет всю вторую половину своей жизни.

Даже тогдашние недруги и оппоненты Маркса описывают его как гениального неврастеника с явными чертами харизматичного пророка.

В Лондоне он пережил нелегкие времена. Порой ему приходилось закладывать свой сюртук, и в такие дни Маркс не мог ходить в библиотеку Британского музея, где он обычно изучал «синие книги» (сборники документов по текущему положению дел британского пролетариата) и работал над первыми набросками к «Капиталу». Иногда у него не было денег, чтобы отправить очередную рукопись издателю. Его семья неделями питалась в основном картофелем и хлебом, взятыми на рынке в кредит, а скромное имущество, включая детские игрушки, описывали за долги. Его жена – урожденная баронесса Женни фон Вестфален – не раз отдавала в залог под ссуду фамильное столовое серебро. Четверо из его семерых детей умерли в раннем возрасте.

Дочерям он объяснял азы политэкономии, сочиняя бесконечный сказочный сериал про Ганса Рёкле – торговца магическими игрушками, которые покупает у мастера сам дьявол.

«Не думаю, что кто-либо когда-либо писал о деньгах, настолько нуждаясь в них», – шутил Маркс. Когда его товарищ Вильгельм Вольф завещал ему после смерти основную часть наследства, Маркс был до того растроган, что посвятил Вольфу первый том «Капитала», вышедший в 1867 году.

Деньгами Марксу в Лондоне старался помогать Фридрих Энгельс, устроившийся менеджером в контору прядильной фабрики своего отца. Сам Энгельс, амбициозный теоретик, называл такую свою занятость «египетским рабством». Он информировал Маркса о внутренней машинерии современного промышленного производства, когда тот всерьез решил заняться экономической теорией. Очередные материальные проблемы начались, когда текстильная фабрика переживала сложности из-за Гражданской войны в США и блокады хлопковых поставок оттуда. Именно этот хлопковый кризис Маркс подробнейшим образом про-

анализирует в третьем томе «Капитала» как иллюстрацию отношений между ценой и нормой прибыли, а также колебаний стоимости капитала, его связывания и высвобождения.

В 1860-х годах Маркс – фактический лидер Интернационала (Международного товарищества рабочих) – боевого штаба грядущей международной революции пролетариата, как видит он сам эту организацию. Но главным интеллектуальным итогом его жизни станет «Капитал», над которым он с перерывами работает 25 лет, по многу раз переделывая текст и утверждая, что автор не может публиковать одну и ту же мысль в той же форме по прошествии полугода.

Как признавался сам Маркс, во время работы над «Капиталом» его прежде всего вдохновляли движение за освобождение рабов в Америке, создание Международного товарищества рабочих и Польское восстание.

Энгельс предлагал Марксу сделать его главную книгу более доступной, разбив весь текст на короткие разделы. Он же, став первым редактором «Капитала», уговаривал друга исправить излишне воинственные места на более нейтральные.

В попытке заранее смоделировать реакцию всех возможных лагерей Энгельс напишет под псевдонимами, меняя стиль и примеряя разные мировоззрения, не менее семи рецензий на «Капитал», в том числе весьма критические. Однако в год выхода мало кто дочитал до конца эту книгу и никто не хотел публично рассуждать о ней.

Супруга Маркса мягко упрекала рабочих в отсутствии интереса к первой публикации. Тем, кому слишком сложно, Маркс предлагал начинать с десятой главы или вообще читать все главы в обратном порядке.

Цена первого издания «Капитала» примерно равнялась средней оплате 10 дней труда рабочего на тогдашней немецкой фабрике.

В 1870 году Маркс занялся изучением русского языка, чтобы лучше понять аграрное законодательство в России. По свидетельству своего зятя Поля Лафарга, вскоре Маркс мог читать Пушкина, Гоголя и смеяться над памфлетами Салтыкова-Щедрина.

В переписке со своим русским переводчиком Николаем Даниельсоном Маркс предсказывал в ближайшем будущем подъем и мировое лидерство США. Он ожидал, что пролетарская революция начнется в наиболее промышленно развитых странах, т. е. в Америке или в Англии. По Марксу, такая революция может быть только международной, и достигнуть социализма в обособленной стране в принципе невозможно.

Во Франции в 1870-х годах первый том «Капитала» издали в виде серии отдельных брошюр. Русскому переводчику Маркс рекомендовал взять за образец это издание. Французский перевод был сделан Ж. Руа, а позднее отредактирован самим Марксом, посчитавшим его слишком буквальным и плоским. Канон для перевода на большинство языков в итоге станет четвертое немецкое издание (1890), подготовленное Энгельсом.

Маркс послал первый том Чарлзу Дарвину, но тот дочитал его только до 104-й страницы и так и не добрался до ссылок на свои книги. Много позже Дарвин ответит Марксу в том смысле, что его смущает слишком откровенный атеизм «Капитала».

В старости Маркс приобрел не только всемирную славу, но и некоторую респектабельность. Им интересовалась королевская семья. Близкие друзья и ученики Маркса в последние годы его жизни создали социалистические организации в большинстве стран Западной Европы.

После «Капитала» автор планировал всерьез взяться за литературную критику (написать книгу о Бальзаке) и математическую логику, но умер от болезни легких в 1883 году, завещав Энгельсу привести в порядок и опубликовать оставшиеся тома – двадцать три тетради черновиков.

Дочь Маркса Элеонора после смерти отца занималась распространением его идей. Ей активно помогал в этом известный теоретик искусства и художник-прерафаэлит Уильям Моррис, хотя он и признавался, что не понимает всех экономических тонкостей учения.

В 1893 году в Британии возникнет Независимая рабочая партия с отчетливо марксистской программой. Эта организация станет одним из источников лейбористской традиции в британской политике.

«Капитал» перевернет мир в голове начинающего писателя Бернарда Шоу. А вот другой британский писатель-социалист Герберт Уэллс, склонявшийся к «розовому» реформизму, сочтет марксистский анализ вульгарным, а обещание всемирной пролетарской революции – варварским соблазном.

3

Маркс поставил своей целью рационализацию самого понятия справедливости, толкуемого как истина в действии. Он хотел сделать неравенство предметом точного доказательного знания. Знания, на пути которого стоит товарный фетишизм, ведь фетиш и есть в первую очередь отказ от полного знания, поощряемый системой. По Марксу, вся история познания может быть описана как постепенное разоблачение фетишизма вещей. Фетишизм – это гносеологический корень всех идеалистических иллюзий.

На определенном уровне развития производительных сил и отношений неизбежно возникает категориальный аппарат освобождения трудящихся, потому что вся прежняя политическая конструкция больше не соответствует новым производительным силам.

Капитализмом не заканчивается наша история, и настало время определить, что такое справедливость на языке формул; освободить труд от его стоимостной формы в республике свободных работников; привести форму присвоения в соответствие со способом производства.

В «Капитале» окончательное завершение получила эксцентричная теория Маркса, которая изменит цивилизацию за полтора века сильнее, чем христианство изменило мир за две тысячи лет.

Изначально Маркс планировал шесть томов, но в итоге остановился на четырехтомной структуре «Капитала». Второй (1885) и третий (1894) тома были составлены и опубликованы Энгельсом по оставшимся после смерти автора черновикам. Эту работу продолжил теоретик немецкой социал-демократии Карл Каутский, который опубликовал четвертый том в 1905-м.

В первом томе дан генетический анализ системы капитализма. Вторым главным образом посвящен схемам воспроизводства капитализма как системы баланса и роста. Отношения между средствами производства и предметами потребления объясняются здесь прежде всего в качестве философской проблемы.

В третьем томе Маркс проследил тенденции к изменению динамики нормы прибыли, предложил свою теорию финансовых кризисов, дал прогноз развития банковской системы и рассмотрел разницу между специфически классовыми и нейтральными функциями государства. Впрочем, этот том как раз и обрывается на главе, в которой автор должен был дать окончательное определение классов.

Текст четвертого тома, в котором Маркс критикует основные идеи известных ему экономических теорий, попутно описывая исторические условия и классовую ангажированность самих этих теорий, не всегда включают в канон, считая, что в этом томе наиболее велико редакторское искажение первоначального замысла.

Советский исследователь Виктор Вазюлин, рассматривавший «Капитал» как пример развития и преодоления гегелевской логики, обнаружил, что вся книга целиком построена как малый виток спирали (представление товара, стоимости и денег) внутри большого витка (представление капитала как такового в его самостоятельном бытии).

4

Кроме прочего, Маркс видел текст своей книги художественным, хотя и признавал собственный стиль «тяжелым», «деревянным» и «подпорченным проблемами с печенью».

По Марксу, не отчужденный труд будущего, счастливая работа свободных людей доступна нам в классовом обществе только в художественном творчестве. Именно поэтому настоящее искусство сохраняет столь высокую степень независимости от породивших его классовых обстоятельств и продолжает волновать нас, даже когда от этих обстоятельств мало что осталось.

Но с рыночной точки зрения, если вы написали книгу, сочинили песню или сняли фильм, вы пока еще ничего не создали. Создали же вы что-то, только когда подписали контракт и продали то, что у вас получилось. Любое произведение в капиталистической вселенной, во-первых, является товаром и, лишь во-вторых, несет в себе еще какое-то сообщение. На этом основан сегодняшний феномен копирайта и интеллектуальной собственности.

Литературные вдохновители Маркса достаточно очевидны. Когда он сожалеет о нестерпимой судьбе рабочих, мы отчетливо слышим голос Чарльза Диккенса (есть и прямые отсылки к «Оливеру Твисту»). Эти страницы пропитаны сентиментальной социальностью. Ирония Маркса отсылает нас прямо к Лоренсу Стерну, его политическая сатира явно напоминает о Джонатане Свифте, а драматический оптимизм его логики заставляет ощутить шекспировский пафос.

Стилистически «Капитал» очень неоднороден и прерывист. Маркс легко переходит от приемов фарса к мрачному юмору готической новеллы.

Есть в книге и античный слой. Цитируются и упоминаются Гомер, Софокл, Платон, Фукидид, Ксенофонт, Вергилий, Ювенал и Гораций.

Церковь была для Маркса важнейшим идеологическим аппаратом правящего класса, а религия – необходимым способом амортизации социальных противоречий, поэтому в «Капитале» так много антиклерикального юмора. Возникновение капитала на рынке сравнивается с единством и неслиянностью Троицы в христианском догмате, а первоначальная аккумуляция капитала – с грехопадением Адама и Евы. Стоимостное бытие холста проявляется в его подобию сюртуку, как овечья натура христианина – в уподоблении себя агнцу Божию. Десятина, которую крестьянин должен уплатить попу, есть нечто более отчетливое, чем благословение попа. Отношение буржуазных экономистов к феодальному прошлому, по Марксу, аналогично отношению христианских теологов к языческим верованиям.

Немало в «Капитале» и обычного мистицизма на уровне метафор: бестелесные призраки; вервольфы и вампиры капитала, обреченные пить живую кровь рабочего труда; мертвые, вцепившиеся в живых; фурии частного интереса; черная магия рынка, окружающая продукты труда, и прочая готическая образность.

В этом гностическом описании капитал объявлен злым и слепым демиургом, творцом и хозяином товарного мира, а рабочая сила – поработанной энергией, плененным светом, который однажды выйдет из-под контроля и откроет двери в новый мир под новыми небесами.

Тропы нужны для описания иррациональной системы отношений. Это литературные приемы, без которых невозможно схватить важнейшие парадоксы капиталистической цивилизации, ее обреченную вывернутость, если, конечно, смотреть из условного бесклассового будущего.

Но и сами деньги становятся неточной метафорой затраченных часов проданного труда. Без этой метафоры можно будет обойтись в исцеленном от вывиха бесклассовом обществе, где больше не останется причин для ложного сознания и товарного фетишизма ушедших веков.

После выхода «Капитала» марксистский стиль мышления стал основой для дендизма бедных – тех, кто не взят в долю.

5

Большевистский экономист Владимир Базаров попытался добавить к «Капиталу» собственную гипотезу: торговый капитал есть «нематериальное производство», которое тоже может создавать прибавочную стоимость. Его поддержал в этом ученик Василия Ключевского и марксистский историк Михаил Покровский.

Советский экономист и один из стратегов нэпа Николай Кондратьев пробовал совместить свою ставшую впоследствии всемирно известной теорию длинных волн с более короткими циклами Маркса, составлявшими примерно 6–8 лет.

В советском интеллектуальном ландшафте 1960-х ярким исключением из многих правил стал Эвальд Ильенков, прочитавший «Капитал» прежде всего как философский текст. Стоимость была осмыслена философом как сущность товара и как реальная общественная форма продукта, который производится в качестве товара. Стоимость превращается из предиката в субъект, и на этом основана «действительная мистика товарной формы». В самой стоимости, понятой по-марксистски, заключены те противоречия, которые проявляют себя в кризисах перепроизводства, вопиющем неравенстве, классовом контрасте и революционных потрясениях. «Капитал» для Ильенкова – важнейший шанс понимания действительности в ее саморазвитии и ценнейший пример движения от абстрактного к конкретному.

Идеальное, по Ильенкову, – это объективная возможность, скрытая внутри вещей, которая может реализоваться только с помощью разумной человеческой деятельности. Самым наглядным примером идеального является стоимость товара, всегда отличная и от продукта, и от денег, уплаченных за него. Идеальное – это область понятий, а человек – это способ осуществления понятий. Марксу удалось понять капитал как форму функционирования средств производства, стоимостную форму организации и развития производительных сил; понять капитализм как господство абстрактного труда над конкретным.

6

Рудольф Гильфердинг, изучая новые приемы стабилизации системы, которые откладывают ее финал и «снятие», написал собственное продолжение «Капитала» («Финансовый капитал»), ставшее важнейшим текстом венской школы марксизма.

Комментируя второй том «Капитала» в своей книге «Накопление капитала», Роза Люксембург отметила, что Маркс создал идеальную модель, в которой нет других ролей, кроме рабочих и капиталистов, и капитал равно господствует во всем мире, тогда как в реальности капитализм остро нуждается в использовании «некапиталистических слоев» и даже «некапиталистических стран». Она обращает особое внимание на «кризисы перенакопления», а не только на «кризисы перепроизводства». Перенакопление делает внешнюю экспансию системы неизбежной, а внутри системы провоцирует изобретение все новых и новых потребностей.

Начиная с середины 1950-х и в последующие двадцать лет в среде левых интеллектуалов Франции происходит напряженная полемика о гуманистической составляющей марксизма и наследии «Капитала». Возникает марксистская антропология, построенная вокруг эксплуатации и освобождения человеческой креативности. Критическая оптика новых левых прежде всего направлена на культурную индустрию и воспроизводство идеологической гегемонии. Они пытаются ослабить фетишизацию фабричного производства, заданную в «Капитале», все чаще обращаясь к раннему Марксу («Экономическо-философские рукописи» 1844 года), кото-

рого интересовал гуманистический и экзистенциальный аспекты отчуждения, эксплуатации и ложного сознания.

Теперь для «гуманистических марксистов» наиболее важно, что в режиме отчужденного труда человек учится подражать безотказным устройствам и сам становится таким устройством.

У Ги Дебора в «Обществе спектакля» мы видим цивилизацию позднего капитализма, в которой отчуждение людей друг от друга и от своей деятельности приобретает характер зрелища, набора управляющих образов, за которыми не скрывается никакой реальности, кроме власти больших денег. Власть капитала на этом историческом этапе превращает человека в первую очередь в управляемого зрителя «своей» и чужой жизни, то есть в зависимого потребителя зрелищ. Вторая глава «Общества спектакля» построена как комментарий к базовым понятиям из «Капитала»: товар, труд, меновая и потребительная стоимость, товарный фетишизм и т. п.

В середине 1960-х годов главным оппонентом общего движения французских левых от экономики к антропологии стал философ-структуралист Луи Альтюссер и его ближайшие единомышленники – Этьен Балибар и Пьер Машре. Они предпочли объявить предтечей Маркса Спинозу, а не Гегеля. По версии Альтюссера, Маркс перешел от левой идеологии своих ранних работ к новой науке в «Капитале», а французская интеллигенция проделывает обратный путь. История социальных формаций благодаря Марксу стала таким же основанием науки, какими были математика и физика с античных времен. Исторический материализм сегодня – это структурализм. Человек должен быть понят философами прежде всего как агент бессубъектных структур.

7

Трудовая теория стоимости Маркса не раз критиковалась со времен Ойгена фон Бём-Баверка, австрийского министра финансов, считавшего условный общественный труд, необходимый для производства товара, непродуктивной абстракцией. Бём-Баверк называл другие составляющие стоимости: издержки, ожидания, креативность решений экономических агентов и т. п.

При чтении «Капитала» многим критикам бросалась в глаза смысловая двуслойность текста. В этой книге как будто два этажа с разной степенью убедительности – аналитический и публицистический. Там, где Маркс перестает быть аналитиком и становится публицистом, ожидаемо больше метафор и допущений, чем доказательств, выдерживающих научную проверку.

Либеральные и реформистские оппоненты Маркса всегда отмечали, что из гениального, глубокого, убедительного и полезного анализа системы вовсе не следует автоматически ни перехода к коммунизму, ни экспроприации экспроприаторов. Тут не прочитывается однозначного детерминизма и явно совершается эмоциональный скачок, в результате которого Маркс перестает быть ученым и становится предсказателем.

При всем своем циклическом абсурде описанная система может воспроизводиться неопределенно долго. Маркс предположил, что концентрация капитала и падение нормы прибыли приведут к глобальному нерешаемому противоречию между характером производства и его товарной формой и система рухнет, но это только одна из версий возможного развития событий.

Система способна отодвигать финальный кризис неопределенно долго, корректируя себя с помощью умеренных кейнсианских реформ или же через возобновляющее воздействие больших войн, уничтожающих огромное количество средств производства и ресурсов, возвращающих нас в варварство и заново запускающих уже пройденный цикл.

Специалист в области экономической географии Дэвид Харви, автор интеллектуального бестселлера «Пределы капитала» (1982), в своем курсе из тринадцати лекций излагает собственное понимание главной книги Маркса. Согласно трактовке Харви, если норма дохода с используемого капитала высока, то это связано с тем, что часть капитала изъята из обращения и фактически бастует. Ограничение предложения капитала для новых инвестиций обеспечивает высокую норму прибыли с капитала, находящегося в обороте. Таким образом, капитал поддерживает собственное воспроизводство, независимо от того, что это значит для общества.

Известнейший американский культуролог Фредрик Джеймисон в 2011 году посвятил отдельную книгу анализу первого тома «Капитала». Главную дилемму этой книги он формулирует так: неинвестируемый капитал, с одной стороны, и рост числа безработных – с другой.

В своем экономическом бестселлере «Капитал в XXI веке» (2013) Тома Пикетти подтверждает общую правоту предсказаний Маркса. Труд все больше и больше отстает от капитала в дележе пирога, насколько бы ни вырос сам этот пирог. В рыночной экономике рента (доход на капитал) всегда больше экономического роста. Принцип ренты вечно господствует над принципом предпринимательства. Капитал воспроизводит себя быстрее, чем растет экономика, а это значит, что одним людям всегда будет выгоднее жить за счет других, обладая львиной долей всех ресурсов и ничего не давая обществу взамен. Последняя книга Пикетти «Капитал и идеология» (2019) посвящена уже другой проблеме – составлению реалистичной маршрутной карты преодоления капитализма. Пикетти предполагает, что такое преодоление возможно за счет ограничения корпоративной власти крупных акционеров, радикального перераспределения средств, накопленных классовой элитой и допуска работников к управлению и владению своими предприятиями.

В описании Антонио Негри, автора теории множества (Multitude), фабрика теперь везде, а не только вокруг станка, эксплуатация превратилась в воздух этого мира, и потому ее так трудно заметить. Переход от фордизма к постфордизму – это применение автоматизации к фабрике и информатизации к обществу.

Нынешний разрыв между финансами и реальным производством не есть лишь непродуктивное и паразитическое явление. Это не ошибка программы, а очередное условие аккумуляции капитала в рамках новых процессов общественного и когнитивного производства стоимости.

Итальянский философ Франко «Бифо» Берарди использует понятие «когнитариат» как новую форму бытования пролетариата в режиме информационного капитализма. Да, класс промышленных рабочих никогда не был столь многочисленным, как сейчас, он просто перемещен на периферию мировой карты капитализма, где сформировался гигантский рынок практически рабской рабочей силы, но в мировых центрах значение слова «труд» сместилось в сторону создания, получения и распространения информации.

Постоянное столкновение и взаимодействие между трудом и капиталом – та область, в которой и протекает реализация нашего всеобщего интеллекта, которому суждено однажды вывести нас за пределы действующей системы. А пока мощь всеобщего интеллекта подчинена власти финансовой матрицы.

Информационные технологии способствуют не столько повышению производительности, сколько повышению степени эксплуатации рабочей силы – и за счет внедрения электронного контроля под лозунгом более высокой интенсивности, и за счет фактического удлинения рабочего дня удаленных сотрудников, работающих вне офисов, ведь на них не распространяются законодательные ограничения рабочего времени.

Такая прекаризация была предсказана Марксом как положение, при котором чем эффективнее воздействие работников на средства их занятости, тем менее надежными становятся гарантии занятости самих этих работников, условия продажи их силы теряют всякую стабильность.

В коллективном труде трех философов «Читать Маркса» (2018) Славой Жижек, Франк Руда и Агон Хамза находят новые способы понимать «Капитал» сегодня. Их общий прогноз таков: капитализм ближайшего будущего будет все менее демократичным. Жижек неожиданно сближает логику Маркса с объект-ориентированной онтологией Грэма Хармана и определяет капитал как реляционную сущность и агента собственного воспроизводства с неснимаемым антагонизмом внутри.

9

Британский футуролог и экономист Пол Мейсон, автор книг «Посткапитализм» (2015) и «Ясное светлое будущее» (2019), один из главных левых технооптимистов современности, – во многом свой оптимизм построил на исторической логике «Капитала».

Информационная экономика вызревает внутри рыночной, но организована она будет принципиально иначе. Нас ждут новые формы собственности, кредитования, контроля и управления, которые изобретаются прямо сейчас. Сетевой принцип вместо прежней иерархии станет главным и в производстве, и в политической жизни. Все начнется с отказа от неolibеральной модели экономики, контроля общества над финансовым капиталом и развития зеленой энергетики.

Сетевые принципы сначала дополняют, а потом вступают в конкуренцию с прежней системой обособленных производств. Так закончится подчинение рынка крупнейшим корпоративным игрокам.

Вовлечение всех людей и всех устройств в единую «умную сеть» создаст последнюю предпосылку для когнитивной экономики посткапитализма, в которой роботы решают поставленные им задачи, общаясь в сети между собой и формируя, если нужно, новых роботов.

Не столь однозначны в своей оценке сетей другие технооптимисты марксистской традиции – авторы «Акселерационистского манифеста» (2013), а потом и совместной книги «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без работы» (2015) Ник Срничек и Алекс Уильямс. С их точки зрения, импровизированный порядок Сети все же должен сочетаться с командной системой Плана в посткапиталистическом будущем.

Согласно акселерационистской логике, история нашей цивилизации – это рост способности задействовать все большее количество энергии ради производства все более сложной информации. Но на пути дальнейшей рационализации этого процесса по-прежнему стоят рамки прибавочной стоимости, резервной армии труда и «свободного», то есть никем не контролируемого движения капитала. Капитализация представляет собой не более чем коммерциализацию потенциалов. В нынешнем капитализме действуют два главных вектора абстракции – монетарный (финансиализация) и технологический (общие алгоритмы).

Эксперт по цифровой экономике, Срничек изучает «капитализм платформ», в котором данные становятся все более важным ресурсом, новым сырьем для извлечения прибыли. Платформы (Uber и Google – только самые очевидные примеры) торгуют коммуникацией и монетизируют связи между людьми, «откачивая стоимость» у неплатформенных конкурентов. Это следующий шаг в истории капитализма. Срничек задается вопросом: возможны ли платформы, принадлежащие всем и не запрограммированные на извлечение прибыли из нашей коммуникации?

Главное противоречие наступающей эпохи состоит в том, что новые возможности технологий конфликтуют с прежними интересами получения прибыли классовыми элитами. Про-

блема антикопирайта и открытый код – только самые наглядные выражения этого конфликта. Акселерационисты рассчитывают поставить на службу дальнейшего освобождения производительных сил агентное моделирование, социально-сетевой анализ больших данных и неравновесные экономические модели.

Производство иного будущего позволяет всерьез изменить настоящее. Сейчас же мы перестали производить будущее и попали в мир «пост-», где на рынке представлены сотни вариантов ностальгии по самым разным «великим эпохам».

Финальный кризис капитализма – это замещение массового человеческого труда машинами, то есть кризис, который опрокидывает сам закон стоимости. Будущее – это товары с нулевой стоимостью и работа, которую невозможно измерить в деньгах.

В такой логике базовое противоречие капитализма между коллективным характером труда и частным способом присвоения результатов этого труда может быть первоначально снято через тотальную автоматизацию и введение безусловного базового дохода. Но, автоматизировав труд, потому что так было выгоднее с точки зрения рынка (снижало себестоимость), мы получаем миллионы безработных. Если мы выплачиваем им теперь деньги просто так, чтобы стимулировать их покупательную способность и примирить этих людей с системой, зачем нам вообще деньги? Они ведь больше ничего не выражают, не являются даже платой за работу. Так рыночная экономика упирается в собственный предел и получает шанс перестать быть товарной. Смысл базового дохода в самой возможности не продавать себя на рынке труда.

В таком сценарии сохранение массового наемного труда превращается в чисто дисциплинарную политическую практику, в которой уже нет экономического смысла, зато поддерживается прежняя иерархия классов, социальная лестница неравного доступа. Но так бывает всегда в истории. Любая система сохраняет себя столько, сколько может.

Маркс был уверен, что он открыл секретное строение клеток капиталистического тела, первичных атомов, образующих всякую товарную экономику вообще. История капитализма и его внутренняя логика не объяснимы без такого знания. Само обнаружение этой тайны уже есть политическая победа и важнейший шаг к преодолению господствующих отношений.

«Капитал» навсегда останется уникальной попыткой понимания человеком общечеловеческой деятельности. Если производство и обмен являются главными человеческими чертами, что в таком случае стоит на пути нашего дальнейшего развития и как будут меняться правила обмена и способы управления в условиях принципиально нового производства? Эта книга – один из вариантов ответа на этот фундаментальный вопрос. Работая над ней, Марксу удалось найти высокую философию в «повседневной» экономике. В конечном счете речь в «Капитале» идет об условиях производства смысла нашего общего существования.

10

Цель этой хрестоматии – жертвуя многими примерами и формулами Маркса дать читателю самое общее представление о логике и стиле главной книги великого философа, а также связать этот текст с последующим развитием марксизма как критической теории.

Алексей Цветков

*Посвящается моему незабвенному другу, смелому, верному,
благородному, передовому борцу пролетариата Вильгельму Вольфу
Родился в Тарнау 21 июня 1809 года. Умер в изгнании в Манчестере
9 мая 1864 года*

Книга первая. Процесс производства капитала

Отдел первый. Товар и деньги

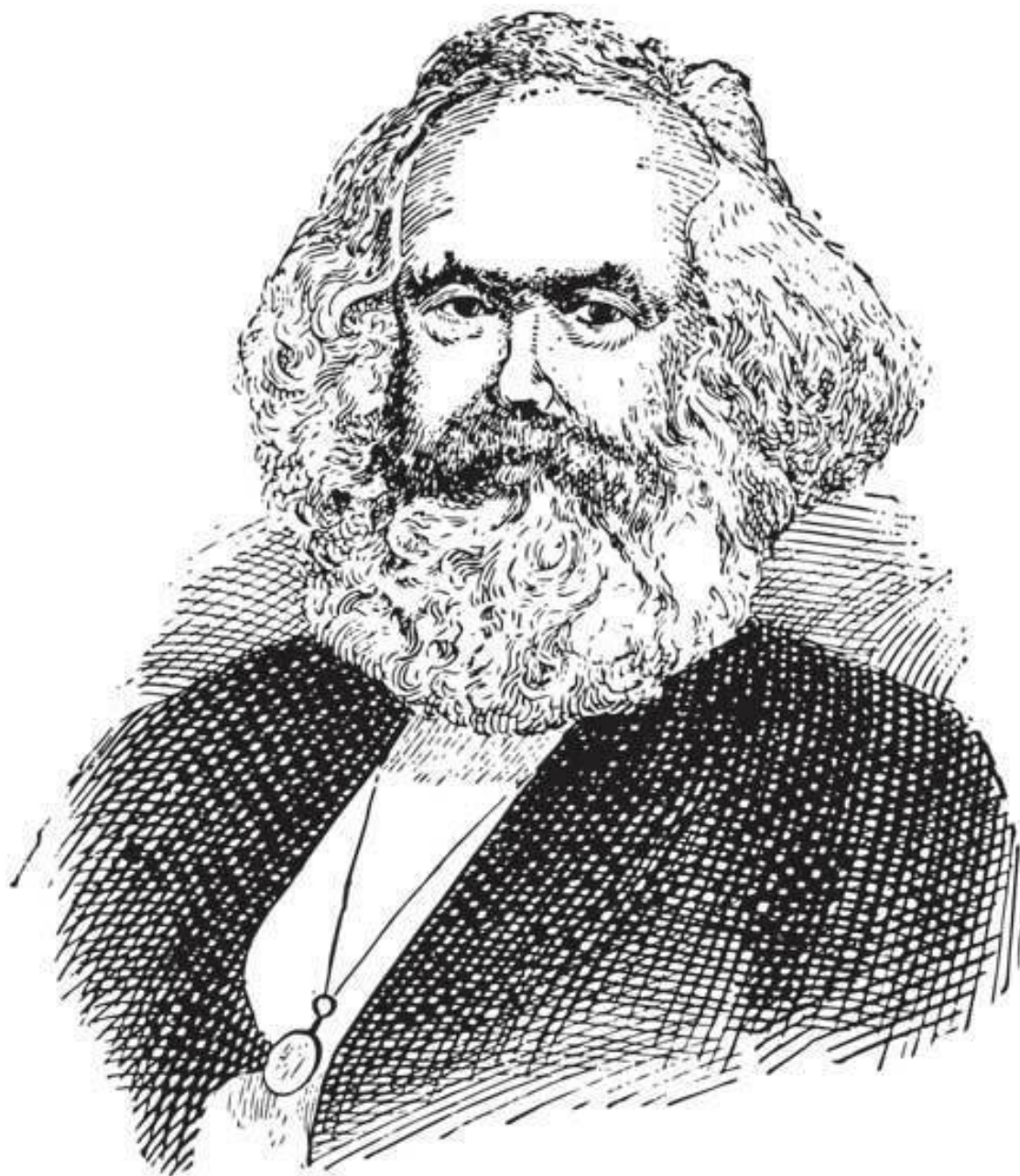
Глава первая. Товар

1. Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость (субстанция стоимости, величина стоимости)

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара.

В марксизме «производство» – это то, что делает человека историческим существом. В конечном счете любое производство – это всегда производство самого человека в конкретной версии. Уровень и способ производства задает цивилизационную модель, условия жизни, форму обмена, тип сознания, пределы мысли. В горизонтальной проекции экономический базис окружает культурную и политическую надстройку как охраняемый периметр и не позволяет исполниться самым благородным мечтам и высоким надеждам утопистов. Способ производства есть связь производительных сил и производственных отношений. С момента возникновения классов Маркс называет четыре таких способа. Античный, при котором патриции эксплуатируют рабов. Азиатский – при котором не угадывается вообще никакого разделения между правящим классом и государственным аппаратом. Государство выступает как совокупный рабовладелец. Многие последователи Маркса считали азиатский способ всего лишь одной из разновидностей античного (рабовладельческого), так как его отличительные особенности нигде у основоположника подробно не разбираются. Феодальный – эксплуатация в форме крепостной зависимости. Буржуазный (капиталистический) – наниматель потребляет рабочую силу нанятого, превращая его способность к труду в источник своей прибыли, получаемой на рынке. Условный «демократизм» буржуазии объясняется тем, что анонимное насилие капитала уже заключено в самой производственной структуре. Капитализм – это первая в истории система, в которой господство вполне обходится без трансцендентных, неэкономических оправданий. Власть капитала наглядно обнажена, но механизм возникновения капитала необходимо скрыт и может быть обнаружен только в диалектическом анализе. Разные эпохи в нашей истории отличаются не тем, что производят люди, но тем, как именно они это делают. Каждый способ производства диктует своему времени идеологическую доминанту, т. е. преимущественный способ нашего самопонимания, который будет казаться людям наиболее естественным. Задача «Капитала» – не описать «экономику вообще», как это принято у многих экономистов, но рассмотреть капиталистический способ производства в его индустриальной стадии, выделить его главные системные качества, дать исторический генезис, объяснить происхождение именно такой модели.

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей – порождаются ли они, например, желудком или фантазией – ничего не изменяет в деле. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития. То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью.

Со времен первых переводчиков на русский и толкователей главной марксистской книги (Н. Ф. Даниельсон, П. Б. Струве, Г. А. Лопатин, Н. Н. Любавин, М. И. Туган-Барановский, А. А. Богданов, В. А. Базаров) длится увлекательная полемика о том, как удобнее перевести

базовое понятие Wert: «стоимость» это или «ценность»? Струве настаивал на «ценности», чем выдавал свое увлечение неокантианством. Сам Маркс приводил в пример староанглийский язык, в котором различалось конкретное worth для потребительной стоимости и абстрактное value для меновой.

Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины – товароведения. Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, – соотношения, постоянно изменяющегося в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (*valeur intrinsèque*) представляется каким-то *contradictio in adjecto* [противоречием в определении]. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на x сапожной ваксы, или на y шелка, или на z золота и т. д., одним словом – на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну-единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и x сапожной ваксы, и y шелка, и z золота и т. д. составляют меновую стоимость квартала пшеницы, то x сапожной ваксы, y шелка, z золота и т. д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания.

Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = a центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах – в 1 квартале пшеницы и в a центнерах железа – существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, – к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают

товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон:

«Один сорт товаров так же хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия».

Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они – продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишнего различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости – товарные стоимости.

Рабочая сила... – Сам по себе рыночный обмен не увеличивает стоимость. Только рабочая сила обладает уникальной способностью добавлять стоимость, поэтому главный товар на рынке – способность к производительному труду. Работник продает нанимателю свою рабочую силу, а не просто время занятости. Капиталист потребляет именно рабочую силу, но платит работнику за рабочее время. Наемный труд – это и есть потребление рабочей силы капиталистом.

Здесь обнаруживается важнейшее противоречие. Рабочая сила – фундаментальный товар, определение стоимости которого всегда будет моральной и политической проблемой. Стоимость рабочей силы задается временем ее воспроизводства. Маркс называет заработную плату экзотерической формой цены рабочей силы. В этой теории стоимость понимается как скрытый внутри товаров затраченный труд, т. е. буквально стоимость любого предмета отражает количество труда, вложенного в его производство. Именно затраченный труд делает товары сопоставимыми на рыночных весах. Цена – это всего лишь денежное выражение стоимости. Труд – субстанция стоимости, выраженной через обмен. В наиболее абстрактном смысле рынок есть способ обменивать между собой разные количества затраченного труда.

2. Двойственный характер заключающегося в товарах труда

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выра-

жен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как созидателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно.

Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста = w , то сюртук = $2w$.

Сюртук есть потребительная стоимость, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается таким образом в потребительной стоимости его продукта или в том, что продукт его является потребительной стоимостью, мы просто назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст – качественно различные потребительные стоимости, точно так же качественно различны между собой и обуславливающие их бытие работы: портняжничество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными стоимостями и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу как товары. Сюртук не обмениваются на сюртук, данную потребительную стоимость на ту же самую потребительную стоимость.

В совокупности разнородных потребительных стоимостей, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом – проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависящих частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной стоимости каждого товара содержится определенная целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостоять друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т. е. в обществе товаропроизводителей, это качественное различие видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует как потребительная стоимость. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент вещественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т. е. не была бы возможна сама человеческая жизнь.

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т. д., одним словом – товарные тела, представляют собой соединение двух элементов – вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т. д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля – его мать.

Перейдем теперь от товара как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что один сюртук. Как стоимости, сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжничество и ткачество – качественно различные виды труда. Бывают, однако, такие общественные условия, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткёт и где, следовательно, оба эти различные виды труда являются лишь модификациями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, – совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собой лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно – что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле – один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы расходования человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или другой форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд, затрата человеческого труда вообще. Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек – очень жалкую, точно так же обстоит здесь дело и с человеческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. *Простой средний труд,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.